

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 316.74:001
УДК 316.74:2
УДК 316.74:316

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕНКО,

кандидат социологических наук, ассистент кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

ЛЕОНИД НИКОЛАЕНКО,

кандидат философских наук, доцент кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

ЮРИЙ ЯКОВЕНКО,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Мировоззренческая функция социологии религии Коллизии в отношениях социологии религии и теологии

Символическая власть и есть в действительности такая невидимая власть, которая может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам ее осуществляет.

П.Бурдьё¹

---

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 87.

К постановке проблемы. Как правило, людям свойственно стремление управлять окружающим миром, предугадывать его изменения и их влияние на человеческую жизнь. Практика убедила людей в необходимости располагать моделью этого мира. Лишь отразив внешний мир в собственной голове (наука это делает в логике понятий о нем), можно более или менее успешно оперировать новыми эмпирическими данными, формулировать гипотезы и строить концепции. Все это делает мир относительно предсказуемым в нашем контакте с ним, то есть во взаимодействии. Выстраиваемая таким образом модель окружающего мира в основе своей опирается на немногочисленный перечень символических систем, среди которых, возможно, присутствует базовая система. Любой символической системе приписано некое множество функций, без которых ее конструирование и существование лишено своего предназначения — помогать управлять жизненно важными для нас процессами, происходящими в мире. Социология как наука имеет то множество функций, сущность которых отличается от аналогичных функций иных символических систем, а посему отличается и основная роль социологии в обществе. Уточнение этих функций — одна из главных исследовательских задач современного профессионального сообщества социологов. Ведь именно ориентация на эти функции дает социологам возможность осознавать специфику собственной профессии, ее место в системе разделения интеллектуального труда и, таким образом, реальное социальное назначение и последствия своей деятельности.

Такая ориентация сама по себе — весьма сложное явление. Во-первых, она дает возможность каждому члену данного сообщества тем или иным образом идентифицировать себя самого в этом сообществе, то есть сознательно избирать те принципы, которые позволят ему ориентироваться в социальном пространстве/времени в соответствии с собственными мировоззренческими интересами. Во-вторых, она определяет логику решения социальных проблем, поставленных перед социологической наукой.

Эта логика, являясь логикой социологического мышления вообще, то есть инструментом познания и понимания социальных процессов, воплощается, в частности, в логике социологического исследования в ее практическом применении к решению определенных социальных проблем.

В этой статье мы не ставим задачу описания логики социологического мышления как таковой, а только пытаемся показать, что способ размышления социолога и выводы, к которым он приходит, во многом определяются его ориентацией в социальном пространстве/времени, куда можно включить и представленное в его структуре пространство социологического знания.

Если функции социологического знания описать в этом контексте, они предстанут в форме системы позиций, занимаемых социологами в указанном пространстве/времени, располосованном бесконечным числом линий фронта (фронтальных линий), многократно пересекающих друг друга во всех возможных направлениях, но всегда имеющих общий принцип их образования — взаимоисключающиеся социальные интересы. Это фронты разделения позиций.

Короче говоря, разговор о функциях социологии как науки должен вестись не только в плане задач, которые сами социологи выполняют в обществе в силу их практического пребывания в системе социальных отношений,

но и в плане логики теоретического решения этих задач и практического применения их решений. Следовательно, такая постановка проблемы имеет отношение не только ко всей социологии как таковой, но и выходит далеко за ее пределы. Кроме того, если социологическое знание весьма структурировано, то именно уточнение его функций и связанная с этим логика социологического мышления (познания) выполняют в нем своеобразную суперфункцию, точнее, системообразующую функцию.

Теперь сразу следует оговориться по пяти аспектам:

- во-первых, в силу требований к объему статьи нет возможности здесь заниматься анализом всех функций социологии, поэтому мы остановимся только на рассмотрении одной — мировоззренческой;
- во-вторых, среди социологов относительно мировоззренческой функции социологии нет четко известной доксы, как и мнения относительно того, существует ли она вообще;
- в-третьих, здесь мы можем сравнить лишь отдельные черты диалектического и феноменологического способов (логики) мышления в социологии;
- в-четвертых, делаем это лишь на примере социологии религии;
- в-пятых, что, может быть, самое главное, к анализу логики социологического мышления следует подходить социологически, не забывая о ее родовой связи с логико-гносеологическими проблемами науки в целом.

В литературе вообще мало обращают внимание на то, как во многих социологических источниках поднимают и в той или иной степени решают вопросы мировоззренческого порядка. Причем игнорирование это имеет место как в явной, так и в неявной форме. Например, П.Штомпка вообще говорит не о функциях социологии, а о функциях научной истины и о ролях социологов в обществе. Согласно его мнению, истина в социальных науках отличается от истины в естественных науках. Она имеет особую (третью, наряду с когнитивной и практической) функцию. Ее “можно назвать освободительной (emancipatory) — это просвещение людей относительно фактов и механизмов социальной жизни, а также развенчание пропаганды, ложного сознания, идеологической лжи. Это изменяет горизонт их сознания, их перспективы и может подводить фундамент под их социальные действия, индивидуальные и коллективные. Люди действуют исходя из представлений. Исходя из разных представлений они действуют по-разному” [Штомпка, s.a.].

Как видим, здесь дело освобождения от ложного сознания возлагается на особую функцию — освободительную, в которой в неразделенном виде присутствуют и идеологическая, и мировоззренческая, которые еще нужно выявить.

Не соглашаясь с отдельными положениями данных тезисов П.Штомпки, мы не намерены вступать с ним в дискуссию, ибо в целом солидарны с ним относительно понимания *освободительной* функции. Только оговоримся, что естественнонаучное знание практически ничем в этом деле не отличается от социального, ибо тоже служит делу освобождения и индивидов, и общества в целом от ложного сознания, о чем напишем чуть позже.

В русскоязычном домене Интернета из источника в источник переходит почти дословное положение, согласно которому мировоззренческая функ-

ция социологии проявляется в том, что она своими исследованиями содействует прогрессу общества и выражается в использовании корректных веренных количественных данных, фактов, которые только и способны в чем-либо убедить современного человека. А далее указывается, что идеология — один из уровней общественного сознания, система идей, выражающая интересы, мировоззрение какого-либо социального слоя, социальной общности и что в большинстве социальных революций, реформ и т.п. именно социологические концепции играли ведущую роль.

Нет необходимости устанавливать первоисточник, ибо и так понятно, что представления о социально необходимом, носителями которых являются разные группы людей и классы, непосредственно определяют характер их же социальных действий.

По большому счету, мировоззренческое и идеологическое в представлениях людей можно различить только гносеологическими средствами. Но значит ли это, что социолог должен занимать нейтральную позицию. Иными словами, может ли социолог быть мировоззренчески нейтральным, а тем более верующим ученым? Об этом далее и пойдет речь.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опираются авторы; выделение не решенных прежде частей общей проблемы, которым посвящается статья. Для того, чтобы наши высказывания относительно мировоззренческой функции социологии были более конкретными, мы избрали в качестве объекта анализа один из популярных среди студентов учебников по социологии, опубликованный под редакцией В.Городяненко [Соціологія, 2002]. Он весьма показателен в интересующем нас отношении, в частности, мы сосредоточились только на одном из его подразделов (3.9 “Социология религии”) и поэтому обратимся к анализу мировоззренческой функции именно данного направления развития социологического знания.

Материал, изложенный в указанном разделе, скоррелирован с тревожной тенденцией, которую можно назвать инфляцией образования вообще и социогуманитарных наук в частности — как в Украине, так и в мире в целом, что происходит не в последнюю очередь под влиянием системно возрастающего уровня религиозности в постсоветском пространстве (включая научное сообщество). В Украине это выразилось, например, в форме приказа ВАК Украины (№ 273 от 29.04.2010). Он вносит изменения в перечень специальностей, по которым проводят защиты диссертаций с целью обретения научных степеней кандидата и доктора наук, а также присваивают ученые звания.

Разумеется, что актуальные обстоятельства и наличие текста подраздела 3.9 “Социология религии” определяют и способ его обсуждения: полемический. Научная полемика направлена на установление логических противоречий в изложении мыслей и соотнесение их с социальной реальностью с целью установления истины. То есть речь идет не только о противоречивости конкретных высказываний, но и о соотнесении смысла высказываний и сути происходящего в обществе. Кроме того, научная полемика и цензура не имеют ничего общего. Иначе говоря, мы не занимаемся цензурой и поэтому считаем себя вольными в наших научно-атеистических в мировоззренческом смысле высказываниях.

Итак, речь пойдет об учебнике “Социология”, который был выдвинут решением ученого совета Днепропетровского национального университета

им. О.Гончара на получение Государственной премии Украины в области науки и техники за 2010 год.

Этот учебник несколько раз переиздавался и, соответственно, перерабатывался, но только в первом издании 1999 года указаны авторы каждого из разделов. Это и дает основание утверждать, что и во втором издании, где не указаны авторы каждого раздела, раздел 3.9 “Социология религии” продолжает принадлежать Н.Липовской (далее — автор подраздела), потому что отдельные изменения в тексте не меняют его мировоззренческой сути. Сам В.Городяненко является лишь автором отдельных разделов и редактором издания. Кроме того, именно он, как автор подраздела 1.2 “Структура и функции социологии как науки” признает, что социология имеет мировоззренческо-идеологическую функцию, которая, по его словам, “направлена на обеспечение дискуссии между концепциями, распространение научной идеологии (! — *Авторы.*), формирование социологического стиля мышления, подготовку компетентных специалистов, глубокое и всестороннее усвоение ими научной идеологии (! — *Авторы.*)” [Соціологія, 2002: с. 31].

Между прочим, атеизм — составная и неотъемлемая часть научной идеологии. Но что же мы имеем в подразделе 3.9 “Социология религии”? Не только фактическое и полное отрицание наличия у социологии “мировоззренческо-идеологической” функции, но даже латентную ненаучную, а точнее, реакционную мировоззренческо-идеологическую пропаганду.

Автор подраздела утверждает, что социология религии “есть отраслью социологии и одной из религиоведческих наук” и как научная дисциплина “пребывает на границе социологии и теологии...” (!? — *Авторы.*) [Соціологія, 2002: с. 355]. Как видим, практически с самого начала Н.Липовская вторгается в мировоззренческую проблематику, которая непременно возникает, как только ученый начинает сопоставлять религиозные представления и научные истины.

Можно было бы и не обращать внимания на это и подобные ее высказывания, ведь мало кто и что в наше время пишет. Мы и не обращали до последнего времени. Но дело осложняется резким возрастанием в последнее десятилетие уровня религиозности среди населения.

Если в “Украине в начале 90-х годов верующие составляли 40% населения, а регулярно посещали богослужения не больше 8%” [Соціологія, 2002: с. 375], то, по данным ежегодного социологического мониторинга Института социологии НАН Украины, теперь более 80% ее населения идентифицируют себя с той или иной конфессией, и страна уже стала одной из наиболее религиозных стран в Европе. Тенденция эта только нарастает. Причем сужается число идентифицирующих себя с традиционными религиями, в частности с православием, и растет число идентифицирующих себя с так называемыми тоталитарными или деструктивными культурами, число которых, в свою очередь, тоже неуклонно возрастает.

Случайно ли все это и не способствуют ли нарастанию данной тенденции сами социологи? Осознают ли они в полной мере, что научное сообщество — один из основных субъектов социальных изменений, что именно оно во многом определяет степень легитимности этих изменений, занимаясь интерпретацией мира в интересах того или иного класса или отдельных социальных групп? Необходимость ответа на эти вопросы и определила цель данной статьи.

Формулирование цели статьи (постановка задачи). Заметим, что указанный раздел не вошел в третье издание данного учебника в 2008 году, выдвинутого на получение Государственной премии, но “гуляет” в Интернет-издании, где указывается тот же 2008 год. Однако любое высказывание ученого воспринимается в массах как научное высказывание, хотя часто осуществляется от имени науки, и далеко не все из этих высказываний соответствуют критерию истинности. Поскольку такое высказывание оставляет след в общественном сознании, особенно если публикуется в учебниках, то это обстоятельство и побуждает к постановке задачи статьи — разобраться в том, в каких отношениях находятся реально и в каких должны были бы находиться социология религии и богословие.

Сегодня богословие, или теологию (калька греч. *ἐπιτεῖναι* — учение о боге) сами богословы определяют как учение о религиозных догматах — комплекс дисциплин, представители которых занимаются изучением, изложением, обоснованием и защитой учения о боге, его участии в мире и его откровениях, а также связанных с ним учениях о нравственных нормах и формах богопочитания. Богословие следует отличать от религиоведения и философии религии (см.: [Богословие, s.a.]).

Однако можно ли изучать несуществующее? Вопрос риторический. Кроме того, является ли богословское учение о боге научным по своей сути? Разумеется, нет, ведь оно изначально определено как богословское! Оно учение только потому, что ему учат, но оно не есть реальным исследовательским процессом, направленным на изучение объективной реальности по причине объективного несуществования таковой. Оно описывает субъективную реальность в ее субъективном же содержании, что и есть иллюзией. Но так как эти иллюзии социальны по своей природе, социология и обязана изучать этот тип иллюзорной социальности.

Между тем иногда богословы говорят о богословии как о науке о боге, утверждая, что в русском звучании теология могла бы звучать как божья логика — логика поведения бога, в соответствии с которой должно быть согласовано и поведение верующего (см.: [Сравнительное богословие, s.a.]). Опять же, наличие богословских текстов не есть свидетельством наличия богословской науки, хотя богословы могут прибегать к частичному использованию методов научного исследования в случаях, когда говорят о социальной реальности, а не о реальности бога. Бог реален лишь как представление о боге, а не как некая независимая от человека сущность. Это представление и определяет религиозное поведение верующих людей.

Большинство ученых Украины до мая 2010 года¹ не нуждались в подобных объяснениях в силу того, что они были именно учеными. Им было известно, что теология не является наукой, и уже поэтому социология религии никак не может быть пограничной между социологией и теологией. Они не верили, а знали, что наука и теология взаимоисключающие системы понимания мира.

Можно говорить и о способах понимания социального мира, свойственного ученым и теологам, а эти способы понимания, между прочим, никак не

¹ Приказ ВАК Украины № 273 от 29.04.2010 г., зарегистрированный в Министерстве юстиции Украины 5 мая 2010 года (№ 315/17610), согласно которому к перечню философских наук добавлена специальность “Богословие” (09.00.14).

пересекаются ни в гносеологическом, ни в социально-смысловом отношении. Утверждать обратное означает переходить границу, разделяющую науку и богословие.

Годы, завершающие первое десятилетие XXI века, резко изменили отношение официальных властей к теологии. В славянских странах возникла тенденция признавать теологию не только способной контактировать с наукой, но и быть именованной наукой. Лидерами этого процесса в России стали богословы Московского патриархата¹, ведь РПЦ — это особая социальная корпорация, издавна функционирующая в связке “церковь–знание–власть” (см.: [Копилов, 2004]). Здесь следовало бы уточнить, что такая корпорация существует во всех современных государствах, но только в связке “церковь–вера–власть”, ибо вера и знание в гносеологическом смысле весьма разнятся и в формальном, и в содержательном отношении.

Известно нам и то, что в современной российской системе образования предпринята попытка дать следующее определение теологии, разработанное при участии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: “Теология — это комплекс наук, которые изучают историю верований и институциональных форм религиозной жизни, религиозное культурное наследие (религиозное искусство, памятники религиозной письмен-

---

¹ Не секрет, что со второй половины XX века возникла тенденция в богословии относить его к разновидности научных направлений и теперь эти “ученые” именуют себя, например, докторами богословских *наук*, забыв о своей имеющей в прошлом весьма глубокие корни и реальные последствия не только для ученых, но и общества в целом вражде к науке.

Правда, иногда и весьма серьезные ученые вступают на богословскую стезю. Одним из таких ученых стал в конце жизни, например, всемирно известный советский академик Б.Раушенбах, научные работы которого соединили в себе искусствоведческое знание, знание физики, математики, мастерское владение кистью и достижения высокого искусства в изображении на полотнах перспективы. Все это, соединенное вместе, обеспечило возможность разработки теории стыковки космических кораблей в межпланетном пространстве, где нет линии горизонта. По сути, в своих разработках он синтезировал искусство и науку. Он же взялся за логическое решение одного из сложнейших богословских вопросов, касающихся соотношения христианской троицы, и “доказал”, что между известными ипостасями бога нет противоречия, “потому что при известных условиях монада и триада одно и то же”, ведь в природе достаточно примеров, подтверждающих это, скажем, “самый обычный вектор с его тремя ортогональными составляющими” [Раушенбах, s.a.].

Однако его подвело плохое знание диалектического материализма, согласно которому критерием истины, о чем уже говорилось выше, является не логика, а тем более не **аналогия** вектора — математического образа некоторого направления объективно происходящих изменений, где возможны просчитываемые отклонения, — и образа троицы, понимаемой как субъективная сила, господствующая в мире. Аналогия как способ доказательства некоторого положения должна быть корректной. Сравнивать кита с гусем можно, если у них есть хотя бы один общий признак, например, наличие печени. У троицы и вектора есть только один общий признак: они субъективные образы реальности, только вектор — субъективный образ объективной реальности, а образ троицы — субъективный образ субъективной же реальности. Вот и все. С другой стороны, утверждать, что дьявол существует, только на том основании, что соответствующий образ пребывает в чьей-то голове и определяет его поведение, по крайней мере, наивно.

Но это особый случай, и Б.Раушенбах при всех его научных заслугах — все же физик, а не социолог.

ности, религиозное образование и научно-исследовательскую деятельность), традиционное для религии право, археологические памятники истории религий, историю и современное состояние взаимоотношений между различными религиозными учениями и религиозными организациями. Предметом теологии являются накопленные в течение длительного исторического срока религиозный опыт, памятники религиозной культуры, а также интеллектуальное и духовное богатство” [Богословие, s.a.], при этом в государственных вузах в число дисциплин христианской теологии входят в том числе догматическое и литургическое богословие. По мнению религиоведа, доктора философских наук М.Шахнович такое определение теологии противоречит многолетней богословской традиции и содержит, скорее, характеристику проблемного поля религиоведческой науки (см.: [Шахнович, s.a.]).

Добавим, именно науки, а не традиционного богословия и только потому, что в нем исчезло богословское ядро — обоснование учения о боге и его участия в мире, хотя осталась функция защиты этого учения. Однако именно таким путем клир пытается приспособить ранее гонимую им науку к своим целям. Далее увидим, что социология в этом ряду занимает не последнее место. Именно ее клир начал использовать в деле укрепления позиций церкви в обществе, что имеет прямое отношение к задачам богословия (можно быть абсолютно уверенным, что если религия окончательно утвердит свои позиции в обществе, она начнет гонения на науку и изгнание ее из сферы образования).

Интересен и способ, каким это делается. Политическая власть пытается вменить ученым в обязанность аттестовать богословов, практически меняя их атеистический статус на богословский (хотя как бы предполагается, что это будут “светские богословы”). Саму такую возможность она обретает, между прочим, не без помощи некоторых ученых, включая и социологов. И ударники капиталистического труда живо откликаются на это политическое требование. М.Шахнович здесь добавляет, что “если по закону в светском государственном вузе батюшке нельзя преподавать Закон Божий, то пусть придет “светский теолог” и обучит “основополагающим духовным ценностям” [Шахнович, s.a.].

Противники добавления теологии в программу российских университетов указывают на существенную разницу между образовательными структурами России и Запада. В отличие от России, в других странах — участницах Болонского соглашения нет системы государственной аттестации, а ученые степени присуждаются конкретным университетом или иным учебным заведением, что позволяет странам Запада избежать неконституционного признания системы религиозных догматов на государственном уровне.

До недавнего времени, согласно Приказу № 1010 от 06.04.2000 г. Министерства образования Российской Федерации, специальность 520200 “Теология” была расположена в разделе 520000 “Гуманитарные и социально-экономические науки” Перечня направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования (приложение № 2). Однако после принятия приказа Минобрнауки РФ об утверждении и введении в действие федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования шифр специальности “теология” (квалификация (степень) “магистр” и “бакалавр”) изменен на 033400 в том

же разделе. В России 36 вузов, в том числе 21 государственный, сегодня выдают дипломы бакалавров и магистров теологии. Уже существует и храм святой Татианы при МГУ, а саму Татиану уже почти на официальном уровне рассматривают в качестве покровительницы студенчества.

И все же, по нашим сведениям, в современной России теология еще не входит в государственный перечень научных специальностей, хотя представители православия и других конфессий добиваются ее включения в этот перечень. Против этого выступал министр образования А. Фурсенко, эксперты ВАК РФ, академики Российской академии наук и научная общественность (о чем свидетельствует “Письмо десяти академиков”). И, тем не менее, в феврале 2008 года 225 докторов и кандидатов наук выступили за официальное признание теологии отдельной отраслью науки, на что в марте того же года последовала негативная реакция СМИ и научного сообщества. Теология как “учение о Боге”, то есть часть религиозной философии, не входит в российскую номенклатуру специальностей научных работников; диссертации по вопросам теологии представляются к защите по научной специальности 09.00.13 — “Религиоведение, философская антропология, философия культуры”.

Итак, нам известно, что Высшая аттестационная комиссия Украины (ВАКУ) приняла приказ № 273 от 29 апреля 2010 года, который без обычного промедления был зарегистрирован в Министерстве юстиции Украины 5 мая 2010 года под № 315/17610. Теперь в Украине богословы смогут получать и ученые звания через МОНМСУ, а не только научные степени. Это решение с разных позиций следует назвать весьма противоречивым. Так, представители церкви, хоть и одобряют приказ, однако считают его недоработанным, поскольку в Украине нет кандидатов и докторов наук, которые могли бы сами присваивать богословам ученую степень. По мнению же представителей научного сообщества, диссертации по богословию вообще не способны привнести в науку ничего нового. Предмет “богословие” включен ВАК в перечень специальностей, по которым проводится защита диссертаций на соискание научных степеней кандидата и доктора наук, присуждение степеней и присвоение ученых званий. “Богословие” как специальность причислена к философским наукам — шифр 09.00.14. Директор Института философии им. Григория Сковороды НАН Украины Мирослав Попович заявил: “Я глубоко убежден, что оно [решение] ошибочно. Любая диссертация должна содержать пояснение того нового, что она вносит в науку, а что нового может быть в богословии, в котором ничего не меняется тысячелетиями? Думаю, что богословию не место в научных заведениях” [На Украине, s.a.]. Движение к новой ситуации в деле оценки места и роли теологии в мировоззрении происходило по мере известных социологам системных трансформаций в постсоветских обществах.

В процесс наступления религии на науку “значительный” вклад вносят и тексты, подобные уже упомянутому подразделу 3.9 “Социология религии”. Конечно, в вопросах соотношения теологии и социологии (а точнее, теологов и социологов как специфических сообществ) автор подраздела не одинока среди социологов. Скажем, В. Гараджа в своей “Социологии религии” еще в 1995 году утверждал, что теология — одна из религиоведческих

дисциплин¹ и что “предметом социологического анализа является вера в Бога как человеческий феномен, доступный эмпирическому исследованию. Социолог должен объяснить веру в Бога, исходя не из “теологического факта” — Бога как внемирского “начала начал”, а из “социального факта” существования веры в Бога, и не для того, чтобы доказать или опровергнуть существование Бога, а чтобы объяснить социальные причины и последствия веры, расшифровать ее социальный смысл” [Гараджа, 1995: с. 8].

Интересно, как можно объяснить “социальные причины и последствия веры”, но при этом не опровергнуть существование бога? И опять же, почему слово “бог” в подобных текстах пишется с большой буквы? Ведь это не имя собственное. Авторы таких текстов хотя бы сами понимают то, о чем и как ведут речь и каковы социальные последствия подобных “научных изысканий”?

Скорее всего, нет, ибо стоят на самом деле не на почве реальности, а на позитивистской почве и поэтому редуцируют религиозные представления к поведению. Но как можно искать связь между представлением и поведением, не понимая социальной природы представлений или отвлекаясь от нее? Тогда, действительно, задача социолога сводится только и исключительно к фиксации эмпирически наблюдаемых фактов, а к теоретическому анализу он вообще оказывается неспособен. А ведь теория, включая и социологическую, — явление культурного и мировоззренческого порядка. Она призвана объяснять темпоральные особенности социального мира, а социальный мир — это мир человека, посредством которого он воспринимает и весь мир вообще. Что касается социологической теории, то ее задача вскрыть не только причины и способы функционирования социальных структур, но и их темпоральную особенность, а также способы пребывания в них индивидов и групп, но, в первую очередь, классов.

И как только Гараджа начинал утверждать, что социология религии — исключительно эмпирическая наука и что социологу нет дела до *природы* религиозных представлений, он низводил не только социологию религии, но и социологию в целом к системе наблюдений и описания их результатов. Зачем социологу эмпирические данные, если он не имеет права (то есть, по сути, лишен способности) делать сколько-нибудь значимые выводы, включая и выводы мировоззренческого порядка. Пишем о В. Гарадже лишь пото-

¹ Это, конечно, пишет он, “если понимать религиоведение предельно широко, как совокупность всех возможных способов осмысления религиозного феномена, то в него следует включить наряду с научным подходом, т.е. отмеченными выше научными дисциплинами, также феноменологию религии и теологию. Таким образом, место социологии религии в религиоведении определяется ее отношением: а) к другим наукам о религии, б) к феноменологии религии и в) к теологии” [Гараджа, 1995: с. 8].

Но, говоря о методологических основах науки о религии, он утверждает, что принцип опоры на эмпирические данные, конституирующий научные знания, является разделительной чертой между научным подходом к изучению религии и феноменологическим, философским и теологическим подходами [Гараджа, 1995: с. 6.]. Как видим, чтобы не обидеть чувства верующих, он к научному религиоведению отнес феноменологию заодно с теологией. Он не увидел разницы между богословским толкованием религиоведения и научным, которое может сделать предметом познания и богословие, не отождествляя себя с ним. Между прочим, философская феноменология стала основанием для феноменологической социологии, включая и социологию религии, с которой мы здесь имеем дело и которую представляют феноменологически ориентированные социологи.

му, что многие положения, высказываемые автором рассматриваемого в этой статье подраздела, перекликаются с его мнением.

Освобождение социолога от теоретического анализа социальных проблем, связанных с религией, сильнее веберовского “освобождения” социологов от оценочных суждений, превращающего ученого в функцию, в делающую расчеты машину, уничтожая в нем способность к переживанию изучаемого.

Особое внимание обращает на себя следующее высказывание автора подраздела: “Находясь на грани социологии и теологии, она [социология религии] учитывает общественную значимость и разнообразие религиозной проблематики, в том числе и то, может ли быть религия предметом научного изучения, не является ли ее социологический анализ вторжением в запретную для него сферу” [Соціологія, 2002: с. 355]. Заметим, это способ постановки вопроса в духе современного богословия, предполагающего известный богословский же ответ: “Существует сакральная сфера, куда ученому вход запрещен, так как научное знание и вера по своим способам понимания реальности несовместимы в силу того, что имеют в своем ведении разные предметы!”

С научной же точки зрения предмет изучения один — объективная реальность как таковая и как отраженная в сознании человека, то есть способы ее понимания (одним из которых является и богословский, или религиозный), конституирующие субъективную реальность и обусловленные в своем существовании социальными структурами и прежде всего классовой структурой общества. Социальные причины различия в способах понимания реальности, включая и саму субъективную реальность, — предмет изучения для социологии.

Не следует забывать, что только в силу того, что для науки нет ничего запрещенного и что она изначально отнесла религиозные представления в разряд субъективной (в смысле, не имеющей отношения к истине) реальности, клир и преследовал ученых во все века, пока церковь не была отделена от государства, а школа — от церкви.

Для науки есть один запрет — быть аморальной (который ученые, тем не менее, склонны нарушать). А это значит, что науку никто не лишил моральной функции, которая тесно переплетается с мировоззренческой, ибо отношение к человеку (обществу и государству) — составная часть мировоззрения.

Изложение основного материала с обоснованием полученных научных результатов. Вопрос о соотношении верований и поведения — один из мировоззренческих вопросов в том смысле, что если между ними есть необходимая и объективная связь, следовательно, отпадает необходимость в провидении как силе, определяющей человеческую судьбу. Автор подраздела, вслед за Гараджей, утверждает, что “верования не всегда влияют на поведение: индивид может принадлежать к религиозной группе, не осознавая сути верований, которых она придерживается” [Соціологія, 2002: с. 355].

Но это совсем не соответствует действительности в нескольких отношениях.

Во-первых, простые верующие вообще никогда не посвящены в суть верований, иначе религия в принципе была бы невозможной. Знание текста Библии, например, не означает понимания сути веры. Для верующих суть веры — священная тайна, принуждающая их становиться на колени. Чело-

век согбенный, а тем более коленопреклоненный, каким является всякий верующий, — не свободный человек с расправленными плечами. Он не способен к активному социальному действию уже в силу своего физического состояния. Ему свойственно смирение как принцип поведения, что противоречит самой сути социальной активности. Если же обстоятельства принуждают его к действию, то его действие — религиозно окрашенное (неадекватное) социальное действие, ведь он руководствуется верой, а не знанием.

Во-вторых, уже само вхождение индивида в религиозное сообщество предполагает корректировку его повседневного поведения, приведение ее в соответствие с требованиями этого сообщества.

В-третьих, незнание сути догматов — не препятствие пребыванию в таком сообществе, а совсем наоборот, притягательная сила. В религиозное сообщество затягивает индивида неведомое ему таинство, социальным смыслом которого есть власть над ним. Если бы люди глубоко разбирались в сути догматов и религиозных культов, религиозные сообщества просто исчезли бы с лица Земли не просто за ненадобностью *для них*, а по причине осознания членами общества природы ложного сознания.

Есть еще одно существенное соображение, с которым не согласуется вышеприведенное высказывание нашего оппонента. Ее утверждение, что верования не всегда влияют на поведение индивида, противоречит основному положению социологии как науки: представления людей и есть реальность, на которую они ориентируются и которыми они руководствуются в своей повседневной жизни.

Религиозные представления ничем в этом отношении не отличаются от всех других, что и дало основание, например, Бергеру и Лукману, говорить о том, что социолог не берет во внимание истинные или ложные представления, на которые ориентируются люди. Феноменология, как видим, “освобождает” социолога от необходимости решения проблемы истины, превращая, тем самым, его сознание в функциональное и поэтому далекое от истины.

Что касается возможного девиантного поведения члена религиозной общины, не очень разбирающегося в социальном и мировоззренческом смысле *его* верований, чем, например, Гараджа пытается доказать относительную независимость поведения от верования [Гараджа, 1995: с. 6], то это особая тема. Однако сама возможность зависимости отклонений в поведении верующего человека от требований веры не опровергает, а доказывает наличие прямой и непосредственной связи между ними, которая в случае неполной посвященности и приводит к указанным отклонениям. Хотя для религиозной девиации (отклонений в религиозном поведении) могут быть и другие причины, например, использование общины в частных интересах, расходящихся в своих целях с ее собственными требованиями.

Между тем религиозная вера — это свидетельство мировоззренческого невежества, а утверждать обратное — профанировать науку и тем формировать невежественных людей.

Религиозная вера — принцип миропонимания, противоположный научному знанию не только в гносеологическом, но и в социологическом отношении. И то, что у разных конфессий разный символ веры, не меняет этого положения, а только подтверждает его. Общество структурируется не только на знающих и незнающих людей, но по степени их посвященности как в научные знания, так и в тайны символа веры. Вот где поле для социологического анализа, а не в том, чтобы бояться вторжения в химерическую сак-

ральную сферу из страха быть наказанным за совершенный грех, понимаемый как преступление перед богом.

Социолог обязан вскрыть социальную суть религиозной веры, ее хотя и достаточно сложную, но прямую связь с властью и социальными структурами. Но задача еще сложнее. Дело в том, что на поведение каждого из нас, даже если мы атеисты и не принадлежим к той или иной конфессии, а тем более на действия тех, кого где-то внутри гложет червь сомнения, религия тоже оказывает свое влияние. Степень и характер этого влияния, разумеется, разные. Автор подраздела, по сути, признает это, утверждая, что “религиозные институты, обычаи, организации могут влиять на поведение независимо от верований и даже вопреки им, стимулируя в силу наличия определенных причин действия, противоречащие официальному учению” [Соціологія, 2002: с. 355–356].

Иначе говоря, можно не верить вообще, верить, но не понимать или не задаваться вопросом о сути религиозных догматов, но уже в силу самого существования религии в обществе мы не можем находиться вне ее влияния. И ученый должен это понимать и, соответственно, занимать антирелигиозную позицию. Эта позиция определяется осознанным (научно обоснованным) отношением к реальной религиозной социальной реакции и одновременно пониманием возможных социальных последствий того, что, например, атеистическая позиция была бы запрещена политическими средствами. Когда такого понимания нет, ученый если и принадлежит к цеху ученых, то играет в нем дисфункциональную роль! Таких людей в социологии называют агентами влияния.

Может показаться, что сделанный вывод весьма жесткий, а в представлениях автора подраздела оказывается еще и идеологически ангажированным. Для нее всякая борьба с религией — не более, чем идеология (в смысле — ложное сознание). Она так и заявляет: “Агрессивная антирелигиозная позиция вредна для социологии, поскольку она подчиняет научное исследование религии идеологическим целям — борьбе против религии” [Соціологія, 2002: с. 358].

Это утверждение не может быть оставлено нами без комментария. Автор подраздела, сама того не замечая, превратила научный текст в пропаганду религии, приписав идеологическую ложность научному пониманию мира, чем, соответственно, приписывает религиозным иллюзиям статус, равный в мировоззренческом отношении научным знаниям, хотя, признавая существование объективной истины, обязана отвергнуть право религиозного представления на истинность.

Признавать атеистические (потому что научные) высказывания вредными означает становиться на защиту религии, то есть занимать крайне реакционную социальную позицию, направленную на культивирование массового невежества среди людей не только в вопросах мировоззренческого порядка. А ведь именно это и происходит в наше время!

Теперь настал момент вести речь об **атеистической составляющей социологического высказывания**. Имея право высказывать предположения, полагаем, что автор подраздела не задумывалась над смыслом слова **атеизм**? Иначе она никогда не последовала бы за богословскими утверждениями, согласно которым атеизм есть разновидностью верования, которое советская власть принуждала проповедовать с университетской кафедры. А

ведь это светское учреждение, где и положено сеять научные, а значит и атеистические истины.

С неотвратимой необходимостью обратимся к тексту одного из ниспровергателей атеизма [Козловский, s.a.].

“Приведем конкретный пример сохранения религиозной структуры сознания в мировоззрении и практиках, на первый взгляд несовместимых с религиозностью. Речь идет о советском *научном атеизме*.

Как неоднократно отмечалось исследователями, этот тип сознания имел свою Книгу Бытия. Ею в советской катехизисной догматике выступал диалектический материализм, в котором “Материи” приписывались такие атрибуты Бога, как “несотворимость” и “неуничтожимость”, субстанциональность и Первопричина. В границах этого мировоззрения категория “Материя” фиксировала не просто факт атрибута “объективности”, “вещности” или “объектности”, но и, с другой стороны, выступала как некоторая обособленная “сущность”, аристотелевская “энтелехия” и прикрытая “субъектность” [Козловский, s.a.]. А далее все это называется квазирелигиозностью диалектического и исторического материализма, которая померещилась автору и принудила его написать слова *бог*, *первопричина* и *материя* с большой буквы, что и должно, по его мнению, показать эту квазирелигиозную суть советского атеизма.

Не хочется употреблять словосочетания типа логического убожества, но факт остается фактом: никогда в диалектическом материализме материя не редуцировалась к вещи, что антидиалектично, а тем более не интерпретировалась как первопричина, что равно признанию объективного существования чего-то надприродного. Для диалектика-материалиста материя — это не вещь, а понятие объективной реальности, схваченной в мышлении в ее всеобщности, что и придает данному понятию характер логической всеобщности или категориальности. Объективная реальность в силу ее всеобщности и обладает атрибутами вечности, неуничтожимости и т.д. Но эта же реальность всегда и везде существует в виде бесконечного множества формообразований, а формы всегда конечны. Причины конечности каждой из таких форм различны, и поэтому никакой первопричины быть не может в принципе. В свою очередь, конечность каждой отдельной формы — одна из причин процесса бесконечного формообразования. И т.д. Но речь даже не об этом.

Как можно философу, а наш автор относит себя к этой категории людей, игнорировать историю векового противостояния науки и религии, материализма и идеализма, если угодно, атеизма и религии и называть атеизм исключительно советским явлением? Мало того, согласно подобной логике сказать, например, что числовой ряд бесконечен, значит утверждать, что ты человек религиозный, ведь бесконечность — атрибут “Великого Иного”, в терминологии автора упомянутого опуса. Математика, таким образом, превращается в одну из Книг Бытия, одну из теологических “наук”, а математики, по крайней мере те из них, кто считает себя неверующим, сами того не осознавая, — в теоретиков с маргинальным сознанием, которые как бы не верят в бога, но оперируют понятиями, описывающими способ бытия “Великого Другого”.

Странно все это и не более того! Авторы, подобные критикуемому, сначала полагают, что “Великий Другой” существует объективно (а не субъективно, то есть в их специфическом сознании, ведь так называемый религиозный опыт не дает оснований для объективного доказательства такого бытия). Потом на основании первого утверждают, что, например, бесконеч-

ность — один из его атрибутов. А потом, ориентируясь на собственное мышление, обвиняют всех и каждого в том, что они не могут понять того, что он действительно существует и есть бесконечным. Иными словами, занимаясь духовной агрессией, они обвиняют в агрессивности тех, против кого их мировоззренческая агрессивность направлена.

Здесь социологи могут спросит: “А какое отношение собственно к социологии имеет все только что сказанное?” Ответим: “Такое, что, как видим из приведенной цитаты, человечество стало способным к мышлению на уровне всеобщих категорий, в которых отражены указанные выше атрибуты материи. Но это совсем не означает, что каждый член человеческого сообщества в своем индивидуальном духовном развитии поднялся до этого уровня. А если продолжить эту мысль, то следует заметить, что есть социальные причины, в силу действия которых человеческое сообщество структурируется на группы по многим признакам, включая мировоззренческий”. Одна из причин возникновения таких структур в наше время — принципиальное неприятие недалекого прошлого, высказываемое в наукообразной форме. А ведь это прошлое требует своего объяснения, а не топтания по нем! Социологическое объяснение прошлого тем и отличается, что ориентировано на анализ процессов, происходивших в социальных структурах, а не на желание отдельных индивидов проявить свою оригинальность.

Далее. Если я не признаю научные образы мира и отказываюсь в своем поведении в науке и в повседневной жизни ориентироваться на них, я погружаюсь в мир иллюзий — ложных образов реальности, отгораживающих меня от реального мира моего бытия. Иными словами, я создаю (конструирую) собственный иллюзорный мир. Но оказывается, я в этом как бы своем мире не одинок. Есть и другие, подобные мне, вступая в отношения с которыми, мы создаем свой собственный социальный мир, параллельный вашему.

Если мы в этом своем мире ориентированы на образы, которым придаем сакральный характер, мы религиозное сообщество. Если мы ориентированы на образы, противостоящие писаным нормам права, мы преступное сообщество. Если мы ориентированы на образы реальности, выраженные в логике научных понятий, мы научное сообщество. И так далее. А все такие сообщества своим взаимодействием конституируют групповую структуру общества.

Кстати, понятие бесконечного ряда чисел тоже мировоззренческое, потому что в нем есть указание на его диалектическое содержание, в котором, с одной стороны, указывается на невозможность математического исчисления реальной бесконечности, а с другой — есть указание на стремление любого вектора количественных изменений к бесконечности. Это и есть, к неудовольствию теологов от науки, одним из диалектико-математических доказательств атеистичности научного знания.

Бесконечность, например, как и несотворимость, и неуничтожимость, — атрибуты материального мира, и знание об этом — величайшее достижение мировой духовной культуры, напрочь отрицающее некую иную бесконечность, несотворимость и неуничтожимость. Это не догматы, а категории науки, свидетельствующие о том, что культурное развитие людей достигло такого уровня, что они стали способны к охвату в своем сознании мира в целом и его целостности. И это именно мировоззренческий уровень понимания мира. Это знание о том, что, познавая мир вне меня, я превращаю его в мир во мне — в мое внутреннее содержание, в мое сознание этих миров и мое поведение в них, а следовательно, в мир моего общественного бытия.

Культура научного мышления, как и всякая другая культура, состоит из норм, на которые обязан ориентироваться ученый. Понятия науки и есть такими нормами. Но это не догмы, подобные религиозной догматике, а апробированные временем отправные точки познания. Считая их ложными и отказываясь от них, вы впадаете в мир действительной лжи (мягче, заблуждения), ведь вы сознательно отказались от апробированных истин. Создавая параллельную научным систему образов реальности, подобную религиозной, вы впадаете в мир иллюзий. Хотите пересмотреть некоторые из понятий и доказать их неадекватность — нет вопросов. Но доказывайте, а не занимайтесь логической эквилибристикой. Все три подхода являются частными признаками, в соответствии с которыми научное сообщество структурируется на группы, ориентированные на них. Эти группы занимаются поиском истины вне пределов действительных научных истин.

На том и закончим это пространное, но необходимое здесь отступление.

Между тем автору подраздела и невдомек, что любое научное высказывание¹ имеет атеистическую составляющую. Например, она пишет, что объект социологии религии — это “религия как социальное явление, ее возникновение, развитие и место в духовной жизни общества” [Соціологія, 2002: с. 356]. Это высказывание истинно атеистическое, потому что в нем:

- нет указания на наличие каких-либо факторов, кроме социальных, вызвавших к жизни данное явление;
- есть указание на наличие объективной и необходимой связи между социальностью и системой верований;
- есть указание на историческую природу (существования во времени или наличие начала и конца) данного явления и так далее.

А вот высказывание: “Религия есть комплексом верований и практических действий, при помощи которых люди общаются или пытаются общаться с реальностью, пребывающей вне пределов их повседневного опыта” [Соціологія, 2002: с.356] не есть последовательно атеистическим, потому что в нем нет четкого указания на наличие необходимой связи между верованием и поведением и четко не определена реальность, которая, по мнению автора, пребывает вне пределов человеческого опыта. Мало того, это высказывание весьма неоднозначно. Можно предполагать, что оно утверждает: 1) что объективно существует нечто вне нас, нам не известное, оказывающее свое воздействие на наши чувства и тем побуждающее нас к познанию; 2) что это нечто существует независимо от нашей воли и само имеет волю повелевать нами; 3) что это нечто, придуманное нами самими, отчужденное от нас и теперь воспринимаемое нами же как реальное и потому вызывающее страх — этот паралич духа.

И как вообще можно общаться с реальностью, находящейся вне пределов опыта? Откуда тогда этот опыт? Может, это иллюзия реальности, и человек “общается” с собственной иллюзией, не способствующей формированию реального практического опыта или адекватного социального поведения? Нельзя быть столь небрежными в своих высказываниях.

Верующий потому и верующий, что его повседневный жизненный опыт “подтверждает” наличие независимой от его воли силы. Но она независима

¹ Именно научное, а не просто все высказанное ученым. Как известно, к сожалению, далеко не все, что говорят и пишут ученые, имеет отношение к действительной науке.

от него лишь потому, что отчуждена от него самого. Наука обязана помочь снять это отчуждение, объяснив обществу, что любые иллюзии, включая религиозные, — результат неадекватного социального опыта, сформированного под неким впечатлением и требующего проверки на объективность.

Чувства обманчивы, поэтому человеку и потребовались знание и способы его получения, разработанные наукой.

Здесь как нельзя кстати следующее положение К. Маркса: “*Религиозное убожество* есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа. Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, в *зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия*” [Маркс: 1956: с. 415]

Человек, опирающийся на иллюзии, не может считаться человеком разумным, — вот главный смысл этого положения Маркса. Но как можно принимать участие в формировании человека разумного, в чем и должен заключаться смысл всякой социализации и образования, вживляя в его сознание представление о реальности потустороннего мира?

Научная позиция ученого — это тот же социальный протест против мира лжи, основанный на знании истины и постоянном стремлении к ней. Эта позиция абсолютно противоположна религиозному протесту, неадекватному и разрушительному как для самого верующего, так и для общества в целом. Научный протест созидательный. Разумеется, если вы стоите на позициях классической науки, а не на позициях различных научных девиаций. Ведь не секрет, что для одних социологов религиозный протест — это путь в никуда, которому другие социологи пытаются придать пристойный вид американского highway’я.

Хотелось бы спросить: “Автор подраздела хитрит или просто не понимает, что, по сути, названная ею богом реальность, “*пребывающая вне пределов повседневного опыта*”, в действительности есть еще не познанная, но объективно существующая и потому так или иначе влияющая на нашу повседневную жизнь материальная реальность, с которой мы находимся в постоянном взаимодействии?” В философском смысле слова эта реальность есть материальной, а в богословском — созданной богом, который находится вне ее. Для социологов это реальность, которая понимается людьми по-разному, что есть одним из факторов объединения их в группы, с тем чтобы отстоять свою позицию как единственно правильную. Здесь и возникает почва для формирования всякой идеологии, включая религиозную.

Следует понять, что атеистическая составляющая научного высказывания — одна из составляющих научной методологии, без которой нет объективно истинного познания. А любая методология для социолога — система норм, которых мы обязаны придерживаться в интеллектуальной деятельности, чтобы не впасть в заблуждения и иллюзии.

Так вот, человеческое невежество состоит не в том, что мы чего-то еще не познали, а в том, что мы непознанное относим в разряд сил, имеющих волю и способных определять волю каждого из нас по собственному произ-

волу. Не понимать этого — значит относить теологию к религиозно-научным дисциплинам и тем культивировать еще большее невежество.

Теология, рассматриваемая в этом контексте, — система высказываний, цель которых — логическими средствами укрепить верующих в вере и по возможности обратиться к вере неверующих методом приписывания неизвестному способности к волеизъявлению.

Благо, что критерий истины — не логика! Иначе всех нас принуждали бы учить богословские бредни наизусть и секли бы плетками за отсутствие усердия. А если в составленный ученым учебник для ВУЗа вставить нечто типа “союз человека с богом”, то студент будет обязан учить этот бред как абсолютно достоверную научную истину. И тем не менее, наличие в высказывании логического противоречия — прямой показатель его ложности.

Между прочим, невежество — состояние сознания человека, не посвященного в тайны научного знания, проявляющегося только там и тогда, где и когда он общается с другим, посвященным в эту тайну и пытающимся использовать указанную разницу в своих частных интересах. Невежество есть не только состояние сознания, противоположное научному, но и социальное положение человека, ранее относимого к классу темных, или черни. Хотелось бы спросить, а существует ли разница между человеком массы и темным человеком? Не трудно заметить, что изменился лишь вербальный ряд, а не суть дела.

Иначе говоря, если и есть какое-то соотношение между наукой, в частности социологией религии, и теологией, то только и исключительно как между наукой и мифологией, правдой и ложью, действием и профанацией, исследованием и сокрытием истины, истиной и заблуждением, просвещенностью и невежеством, нормой и девиацией, культурой и хамством¹ — и никак иначе. Все это разные измерения в соотношении одних и тех же явлений, но суть их одна: не следует приписывать несвойственное всему существующему. В современном мире давно осознано, что в этом кроется технология разделения людей с целью укрепления власти над ними путем культивирования ложного сознания в широких массах.

Если же рассматривать теологию в социологическом плане, она обнаружит еще одну свою цель — попытку преодоления существующей в современных обществах конфессиональной социальной структуры и разделения людей по принципу вера–атеизм (невежество–знание) путем обращения неверующих и иноверующих в религию, которой придерживается теолог.

Иначе говоря, если представить, что между теологией и наукой нет принципиальных различий, то указанная выше неизвестная реальность окажется объективно существующим божественным провидением, что легко доказать логически. Поэтому всем, утверждающим наличие позитивной (взаимообогащающей) связи между наукой и теологией, следовало бы иногда поупражняться в поиске логики такой связи, которая с необходимостью приведет к превращению научных высказываний в богословские.

---

¹ Не следует забывать, что в нашей истории хамами дворянство называло людей низших сословий, а в наше время попытка культивировать массовое невежество, рассматриваемое в широком смысле слова, означает намерение воспроизводить разделение людей на элиту и массу (тех же хамов), якобы не могущую обойтись без управления ею, разумеется, со стороны представителей элиты.

Еще раз говорим, истина не в логике! Научное и религиозное понимание в принципе несовместимы. Попытки их соединить — показатель мировоззренческой маргинальности.

Мировоззренческая маргинальность всегда имеет место там, где ученый не может определиться с пониманием того, что есть объективная реальность и какова природа реальности субъективной, что есть ложное сознание, а что есть истина и т.д.

Не всякая реакция, между прочим, является проявлением агрессии. Мировоззренческая непримиримость научного и религиозного порядка — явления разные. Объяснение исторической сути религии и ее реальных социальных функций — научная позиция, осторожно относящаяся к чувствам верующих. Что испытывает атеист, когда ему пытаются “доказать” обратное его научному убеждению, — богослова не беспокоит. Автор подраздела, кстати, тоже не задается вопросом о том, что испытывает атеист, читая научные тексты, сопряженные с фантастическими измышлениями. Для нее атеизм — интеллектуальная агрессия идеологически ангажированного невежественного человека, не понимающего, что есть такие мировоззренческие вопросы, о которых лучше помолчать.

И все же, несмотря на то, что в анализируемом разделе высказано немало интересных и в научном отношении положений, мировоззренческая позиция его автора, мягко говоря, не последовательно научная, а потому и реакционная.

Любому социологу известно, что любая позиция соответствует четко определенной системе социальных действий. Но почему-то далеко не все социологи понимают, что продолжающееся наступление религии на науку, включая социологию и образование, чему весьма успешно подыгрывает и автор подраздела, чревато возвратом к средневековому мракобесию¹.

---

¹ Слово *мракобесие* (обскурантизм), если внимательно почитать научные труды того времени, имело статус научного понятия и отражало реакцию тех социальных слоев, которые под религиозным покровом боролись против наступающего капитализма. Время зарождения мракобесия — XV–XVI века. Существовало оно в двух формах: как одно из социальных движений и как своеобразное социальное учение, теологическое по своей форме. Методы мракобесия и как учения, и как социального движения были тождественными и направленными на защиту традиционного в то время феодализма и религиозной монополии на истину. В борьбу с этой монополией и вступила молодая на то время наука, которая именно в этой борьбе только к концу XVIII века:

во-первых, практически оторвалась от религии и сформировалась как одна из форм общественного сознания, потеснив религию в ее монопольном праве на интерпретацию мира;

во-вторых, сформировалась как один из социальных институтов, призванный защищать ученых — это специфическое профессиональное сообщество — не только от морального, но, прежде всего, от физического преследования его членов со стороны церкви;

в-третьих, сформировалась как форма общественного сознания.

Религия как социальный институт является, прежде всего, институтом преследования еретиков — всех тех, кто хоть сколько-нибудь сомневается в бытии божием. Это его основная функция, тесно связанная с функцией защиты социального порядка, основанного на социальном неравенстве людей.

В этом смысле научное и религиозное миропонимание, как и соответствующие институты, принципиально различны и, если угодно, антагонистичны по своему функциональному предназначению. Фиксируя этот факт, мы лишь обращаем внимание на существующую реальность, а не на благие пожелания мира между ними ни со стороны Н.Липовской, ни от какого бы то ни было иного представителя научного цеха.

Исходя из сказанного, не грех признать, что отношения науки, включая и социологию религии, к религии — исключительно идеологические отношения и другими быть не могут. Но наука, имеющая идеологическую и соответствующую ей мировоззренческую функцию, обязана способствовать ограничению безудержного распространения религиозной идеологии в ее запрете на доказательство, сомнение, выяснение истинного положения дел, то есть на все то, что способно поколебать любой религиозный догмат. И значит ли это, что научные аргументы превращаются в преступления против церкви? Конечно, нет! Церковь — это люди. Научное объяснение, освобождающее людей от иллюзий, преступлением быть не может, хотя сами они этого могут не понимать и не желать понимать. Смысл научной идеологии состоит в обратном, в понимании того, что отрицание истины во имя утверждения в сознании людей представления о наличии божественного провидения является преступлением не только перед самой истиной, но и перед обществом и историей.

Например, О.Конт в своем учении о позитивной науке подверг отрицанию не только мифологическую и теологическую интерпретацию мира, но и метафизическую. В глазах теологов и клира он как ученый совершил греховный поступок. То же самое сделали Маркс, и Дюркгейм, и Вебер, и все те социологи, которые говорили об упадке традиционных религий.

Между тем В.Гараджа утверждает, что все они ошиблись в своих предсказаниях, потому что религия как была, так и остается, хотя и меняется. Но ошибся В.Гараджа, а не перечисленные ученые, несмотря на все их разногласия в интерпретации будущего религии. Она как ложное и отчужденное сознание давно ниспровергнута с исторического пьедестала, давно раскрыта ее социальная природа, вскрыты ее исторические, гносеологические и социальные корни. Но существуют социальные силы, заинтересованные в сохранении религии. И пока в мире будут существовать эти силы, до тех пор будет существовать и религия, потому что они будут искать и находить способы для выживания религии, главной опорой для которой было и остается человеческое невежество. Целенаправленное культивирование невежества путем ограничения доступа больших масс людей к действительным знаниям — лучшее средство культивирования религиозных представлений. Как оказалось, и массовое высшее образование, лишённое мировоззренческого образования, — не препятствие для распространения религии, а даже совсем наоборот.

Вот та принципиальная позиция, которой должен придерживаться ученый, а тем более социолог, занимающийся проблемами социологии религии. Он должен понимать, что и попытки ученых — первая принадлежит Гегелю¹ — сконструировать новую, нетрадиционную религию, что пытался сделать и Конт в своей концепции “позитивной религии”, есть лишь способ сохранения религиозного сознания в условиях поступательного движения к безрелигиозному обществу.

Как видим, некоторые ученые несколько подзабыли историю взаимоотношений науки и религии, а если и помнят, то она их ничему не научила.

¹ Таковую претензию в свое время заявлял и протестант Гегель, по сути, отрицавший принцип веры и требовавший размышлений и знания о боге, чем фактически осуществлял логический переход к научному атеизму и тем подготовил претензию не совсем последовательного атеиста Фейербаха на создание вместо традиционного христианства религии всеобщей любви человека к человеку.

Выводы (предварительные) данной статьи как первой в задуманном ряду. Что касается собственно *социальных корней религиозных воззрений*, то они описаны не только в марксизме. Например, М.Вебер, отдавший предпочтение протестантизму (кальвинизму прежде всего) — наиболее последовательному выражению капиталистического духа, первый в западной социологии дал, по сути, марксистскую характеристику роли религии (протестантизма) в ее защите духа эксплуатации и наживы. В его знаменитой “Протестантской этике...” читаем, что “...“радость”, доставляемая средневековому мастеру созданным им изделием ... следует считать психологически действенным фактором... Очевидно..., что аскеза *лишила* труд этого посястороннего мирского очарования (...капитализм уничтожил его навсегда) и перенесла значение его в мир иной. Профессиональная деятельность *как таковая* угодна Богу. Безличность современного труда, его безрадостность и бессмысленность, с точки зрения отдельного человека, в ту эпоху еще не получает религиозного обоснования. Капитализм в период своего возникновения нуждался в рабочих, считавших долгом своей *совести* подчиняться экономической эксплуатации. В настоящее время капитализм занимает настолько прочные позиции, что не нуждается в потусторонних поощрениях для того, чтобы возбудить в рабочих желание трудиться” [Вебер, 1999: с. 270–271].

Откуда антимарксисту Веберу было знать, что пройдет не так много времени, и с появлением на политической карте мира СССР капиталистическая социальная система перестанет занимать “прочные позиции”, потому что для рабочего больше не будет делом совести подчиняться какой-либо эксплуатации, включая и экономическую. Дело совести для него станет участие в борьбе с эксплуатацией.

Вот та причина, которая положила начало

- *во-первых*, не трансформации, как на Западе, а деинституционализации духовного мракобесия¹ (этот процесс будет развиваться не только на территории СССР);
- *во-вторых*, потребности мирового капитала в реанимации религии и возложении на нее функции реанимации хиреющей рабской психологии — сделать подчинение эксплуататору делом совести или, по крайней мере, терпимым делом.

Эта же причина вызывает к жизни и работы, подобные анализируемой.

Как видим, в практическое осуществление этого “дела” стали включаться и те ученые и педагоги, для которых проблема научного мировоззрения перестала быть основополагающей в духовной культуре. А это, между прочим, может быть определено как собственно проблема именно в сопоставлении с религиозностью, которой лукаво приписывается статус подлинной духовности.

Что интересно, социологи сегодня пишут массу работ по проблемам социологии религии, но в них преобладает одна идея — явная или не очень зашита традиционных религий (у нас православия) от наступления так назы-

---

¹ Можно представить, какую бурю “праведного” гнева вызовут эти слова не только у автора подраздела. Но отрицать тот факт, что процесс деинституционализации религии имел место и что власть не нуждалась в идеологической подпорке с боку церкви, — пустое дело.

ваемых тоталитарных сект и деструктивных культов. Распространение психических заболеваний и духовной деградации верующих, вызванных самим их пребыванием в таких религиозных организациях, признают практически все исследователи. Но практически никто из них не пытается понять, что эти пороки культивируются не только в тех сектах, а является общим признаком религиозной веры как таковой. Различие только в кратности, а не в сути.

В последние десятилетия ученые как бы забыли, что в науке давно нет проблемы бога и потустороннего мира. В ней осталась одна проблема — причины столь долгого существования ложного сознания, включая религиозное. И это проблема социологическая — и прежде всего социологическая, ведь исторические, психические и гносеологические корни религии суть производные от социального.

Социолог обязан был бы изучать способы:

- мировоззренческой мимикрии клира и интеллектуалов;
- приспособления их к постоянно меняющимся социальным системам;
- профанации научных знаний с целью “доказательства” права на существование религии;
- обращения в веру и выживания религиозных сообществ и так далее.

Не было бы социальных корней религии, не было бы и самой религии, и не было бы у людей проблем, связанных с мировоззрением, потому что именно зарождение религии изначально было препятствием на пути к научно истолкованию мира в целом и социального мира в частности.

Читаем у автора подраздела: “Религия — система верований, ритуалов, действий, отдельных индивидов, групп, сообществ, определенных верой в существование сверхприродного, священного и реализованных в определенных социальных нормах, статусах, ролях, привычках, распоряжениях, стандартах поведения, социальных позициях. Такая интерпретация берет за основу специфический для социологии аспект религии, которая является одной из существенных составных частей культуры, специфический способ жизнедеятельности человека, реализованный в системе духовных и материальных ценностей, социальных норм и традиций, в совокупности отношения человека к природе, общества и самому себе (и, возможно, к Богу)” [Социология, 2002: с. 357].

Все бы ничего, если бы не эта приписка в скобках!

Слово “бог” написано с большой буквы, что есть либо показателем искренней веры, либо проявлением страха перед неизвестным, либо процедурой наделения собственным именем некоего реального, а не вымышленного существа, либо следствием всего этого вместе взятого. Последнее — показатель состояния сознания, именуемого религиозным фанатизмом.

Слово “бог” ведь не собственное имя!

Ничего из перечисленного здесь к науке не имеет отношения, как и сама религия к подлинной культуре. Правда, автор подраздела — человек сомневающийся, не фанатик, о чем говорит слово “возможно”.

Между прочим, религия для социологии действительно есть “системой верований” и так далее по тексту (кроме отброшенного нами). Но указать на это совсем не означает дать социологическое объяснение религиозному феномену. Если назвать религию феноменом, как это делает автор подраздела, то нужно объяснить, что же в ней есть такого феноменального, а не опус-

каться к перечислению “аспектов” религии как одного из социальных явлений, особенность которого, между прочим, в том, что оно имеет институциональные признаки. А феноменальное в ней только одно — под видом высокой морали и духовности паразитировать на реальной морали и духовности, обращая их в средство власти, эксплуатации и наживы для одних и средство зависимости, духовной деградации и обнищания для других.

Можно ли такую феноменальность относить к явлениям культурного порядка — дело совести каждого. Но даже если с этим согласиться, то нельзя не согласиться с другим: религия — одно из мощнейших средств социальной дифференциации, осуществляемой путем профанации науки и морали и, при помощи этого, отвлечения больших масс людей от участия в сознательном социальном творчестве; отчуждения их от мира сего и погружения их в мир инобытия — систему иллюзий или ложного сознания.

В наше время религия перестала быть единственно возможной идеологией, претендующей на абсолютную истинность в ответах на все возможные вопросы повседневного и перспективного бытия, как и единственно возможным мировоззрением, объясняющим смысл человеческого бытия в мире. Старая философия (а на Западе она такой во многом осталась и до сих пор), как известно, была служанкой богословия, а сейчас появилась тенденция обратить социологию к исполнению такой же роли. Вера в загробный мир — не тот путь, на котором можно решить все проблемы современности. Это приглашение к духовной смерти при физической жизни, часто оборачивающееся приглашением к реальному самоубийству во имя бога.

Следует сказать, что человек отчужденный — исторический тип личности, представляющей собой социальный труп, пребывающий вне социального мира. Точнее, он пребывает в нем физически, но отсутствует в нем в своем представлении о нем. Если это верующий человек, то он воспринимает этот мир как греховный, а если рассматривать данного человека вне контекста религиозной веры, то окажется, что он воспринимает этот мир как преступный, а мягче — несправедливый.

Игнорировать этот факт — значит не иметь представления о религиозном поведении.

Источники

Богословие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B5>.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Наука, 1990. – С. 270–271.

Гараджа В.И. Социология религии : учеб. пособие [для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей] / Гараджа В.И. – М. : Наука, 1995. – 235 с.

Козловський О.Р. Релігійна свідомість і релігійні практики населення сучасної України як предмет соціально-філософського аналізу [Електронний ресурс] / О.Р. Козловський. – Режим доступу : <http://www.i-soc.kiev.ua/institute/Kozlovski.pdf>.

Копилов В.О. Церква–знання–влада: генезис нових принципів соціуму в епоху Київської Русі [Електронний ресурс] / В.О. Копилов // Мультиверсум. Філософський альманах. – К. : Центр духовної культури, 2004. – № 39. – Режим доступу : http://www.filosof.com.ua/Jornel/M_39/Kopylov_1.htm.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 1. – С. 414–429.

На Украине теологию включили в список научных специальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://aforizm.ucoz.ua/news/na_ukraine_teologiju_vkljuchili_v_spisok_nauchnykh_specialnostej/2010-05-22-49.

Раушенбах Б.В. Логика троичности [Электронный ресурс] / Б.В. Раушенбах. – Режим доступа : <http://lib.rin.ru/doc/i/19555p1.html>.

Соціологія [Электронный ресурс] : підруч. для студ. ВНЗ. – 2-ге вид., перероб. і доп. / за ред. В.Г. Городяненка. – К. : Вид. центр “Академія”, 2002. – 560 с. – Режим доступу : <http://a-theism.com>.

Сравнительное богословие. Кн. 1; ч. I, II [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.klex.ru/656>.

Шахнович М. “Учение о божестве” как объект профессиональной деятельности [Электронный ресурс] / М. Шахнович. – Режим доступа : http://www.atheism.ru/library/shah_1.phtml.

Штомпка П. Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах (тезисы доклада) [Электронный ресурс] / П. Штомпка. – Режим доступа : www.sociolog.net/sztoplka.doc.